

УДК 94 (450)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314

EDN ZXWPWJ

Оригинальное исследование

Структура дипломатии Флоренции в XV веке: персональный и институциональный аспекты

Павлов К.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

Email: st055536@student.spbu.ru

Аннотация. Рассмотрение структуры дипломатии Флоренции XV столетия актуально в связи с интересом современной исторической науки к анализу институтов, определявших функционирование европейской системы международных отношений позднего Средневековья – раннего Нового времени. Новизна данного исследования будет заключаться в попытке изучить развитие институциональной составляющей истории дипломатии Флоренции Кватроченто. В качестве вывода к исследованию будет предложен тезис об определенной степени нежизнеспособности созданной во Флоренции Кватроченто системы дипломатических институтов перед фактом двух обстоятельств: кризисной ситуации Итальянских войн в конце XV столетия и извечного стремления персоналий к контролю этих институтов.

Ключевые слова: Флоренция, дипломатия, политические институты, Кватроченто, Альбици, Медичи, посол, посольство

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Павлов К.В. 2026. Структура дипломатии Флоренции в XV веке: персональный и институциональный аспекты. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 303–314. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314. EDN: ZXWPWJ

The Structure of the Florentine Diplomacy in the 15th Century: Personal and Institutional Aspects

Kirill V. Pavlov

St. Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya line, Saint-Petersburg 199034, Russia

Email: st055536@student.spbu.ru

Abstract. The article explores the development of the 15th-century Florentine practices in organizing international dialogue through the concept of the transition from the individuals' responsibility to practical involvement of diplomatic institutions. The sources used by the author include works by famous Florentine diplomats (Niccolo Machiavelli, Francesco Guicciardini, Francesco Vettori), as well as some Tuscan diplomatic documents of the Quattrocento era (missions of the House of Albizzi, correspondence of the House of Medici), and the writings of Florentine humanists (Filippo di Cino Rinuccini, Poggio Bracciolini). The novelty of the research lies in attempting to study institutions of diplomacy in Quattrocento Florence in comparison with the mechanisms for organizing and implementing international communication in other city-states of Renaissance Italy, which allows establishing their uniqueness inside Florentine political system itself or compliance with the usual political structures of the Apennines' states during the period under consideration. The research findings make it possible to determine the degree of interrelationship between individuals and institutions in the development of the 15th-century Florentine diplomacy.

Keywords: Florence, diplomacy, political institutions, Quattrocento, Albizzi, Medici, ambassador, embassy

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Pavlov K.V. 2026. The Structure of the Florentine Diplomacy in the 15th Century: Personal and Institutional Aspects. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 303–314 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314. EDN: ZXWPWJ

Введение

Рассуждая о дипломатических аспектах итальянской истории XV века, или Кватроченто, следует иметь в виду, что специфика исторического развития территории современной Италии долгие века обуславливалась внутренней раздробленностью: земли Апеннин были разбиты на множество городов-государств, формально даже не в полной мере представлявших собой суверенные государства в современном осмыслении этого понятия [Катушкина, с. 427–428]. Вместе с тем в контексте итальянской истории Кватроченто обращает на себя внимание очевидный рост влияния отдельных городов как внутри Италии, так и в европейской структуре международных отношений. Флоренция, Венеция, Милан, Неаполь практически весь XV в. находились в эпицентре политической, экономической и культурной жизни Европы, что знаменитый итальянский историк П. Пьери иронично назвал «достаточно ограниченным периодом презентации наиболее значительных возможностей» [Pieri, p. 65]. Весьма ярко этот парадокс характеризует дипломатический диалог, состоявшийся весной 1494 г. накануне грандиозной политической катастрофы Апеннин – начала Итальянских войн – между герцогом Милана Лодовико Моро и послом Флоренции. Так, советская исследовательница политической истории Италии XV–XVI вв. Л.Г. Катушкина приводит цитату из речи миланского герцога от 3 марта 1494 г., обращенной к флорентийскому послу: «Вы постоянно толкуете мне об Италии, а между тем я ее никогда не видел» [Катушкина, с. 426]. В этой связи, с точки зрения Катушкиной, нет оснований полагать, что подъем отдельных крупных городов полуострова – Флоренции, Венеции, Милана – можно интерпретировать как «этап на пути преодоления территориальной раздробленности Италии» [Катушкина, с. 428]. Итальянский ученый Дж. Галассо предлагает понимать XV столетие в истории Италии как условный «...плюрализм, охватывающий единство исторического времени в диалектике сложности и конвергенции, многообразия и расхождений, из каковых человеческий опыт (индивидуальный и социальный) отмечается в свете проблем или проблемы, которые ставит историк» [Galasso, p. 404]. Общности же политической, культурной и (или) экономической в понятии «Кватроченто» в концепции Галассо в конкретных условиях итальянской истории проследить не представляется возможным [Galasso, p. 403–406]. Предметное объяснение «парадокса Кватроченто» для политической истории Италии дает историография XXI столетия.

В представлении ряда современных итальянских историков (М. Беллок, Ф. Драго, Р. Гальбиати, [Belloc, Drago, Galbiati, p. 202–203], А. Гамберини [Gamberini, p. 406–424], И. Лаццарини [Lazzarini, 2012, p. 425–443]) в системе политических отношений городов-государств на территории Апеннин возобладала ситуация неустойчивости границ и бесчисленных рубежных споров переменной вариации и интенсивности. Характерной особенностью этих споров, как отмечает итальянский исследователь А. Гамберини, являлось разительное различие форм политического устройства итальянских государств, со времен Высокого Средневековья делившихся на республиканские, монархические и (или) «смешанные» режимы [Gamberini, p. 407–409]. Однако если сами итальянские города-государства спорили о границах, исходя из истории своего развития как свободных коммун [Belloc, Drago, Galbiati, p. 202–203], то полноту легитимности их споров, а вместе с тем и оснований этих городов-государств, оценивали политические силы, под верховенством которых они находились [Lazzarini, 2016, p. 17]. Это верховенство, в свою очередь, могло осуществляться как в форме управления крупным итальянским городом-государством более мелкими соседними землями, так и практикой внешнего управления, когда те или иные

итальянские государства (в том числе и крупные) переходили под покровительство инвеститур мощнейших европейских держав [Lazzarini, 2016, p. 17]. В этом контексте любопытны концепции некоторых современных зарубежных исследователей – Дж. Брунелли [Brunelli, p. 152–153], Х. Лейра и Б. де Карвальо [Leira, de Carvalho, p. 147–148]. Согласно их справедливым замечаниям, во внутриитальянском дипломатическом балансе сложились практики «власти на территориях» (в случае с папством) [Brunelli, p. 152–153] или «центрированных городов» (для светских форм правления) [Leira, de Carvalho, p. 147–148]. Так, государственность крупнейших итальянских городов вышла за пределы их исторического ядра и сформировались внутренние области военно-дипломатического протектората государств Италии, одновременно зависимые от внешних сил.

Объект и методы исследования

В многообразии выше перечисленных условий эпохи Кватроченто и формировалась структура дипломатии различных городов-государств Италии, в том числе крупнейшего города-государства Тосканы – Флорентийской республики. Вместе с тем предметных исследований по структуре флорентийской дипломатии XV в. не производилось. В этой связи объектом данного исследования выступит именно структура дипломатии Флоренции Кватроченто. Соответственно, целью данного исследования будет анализ становления и развития институциональной структуры дипломатии Флоренции XV столетия с предметным вниманием к переходу от практики исключительной персональной ответственности отдельных лиц за те или иные дипломатические шаги тосканской республики к опыту по построению в ней механизма функционирования ответственных за международную политику политических институтов. В свою очередь, задачи данного исследования – это рассмотрение ключевых проблем дипломатии Флоренции XV в. и краткое сопоставление дипломатических практик тосканской республики эпохи Кватроченто с практиками других городов-государств Италии.

В основу методологии данного исследования положены принципы историзма и системности, критерий корреляции исторических источников, а также идеи исторической антропологии, способствующие более эффективному выяснению изменений, происходивших в представлениях людей.

Результаты и их обсуждение

Становление структуры дипломатии Флорентийской республики в первой трети XV в. совпало по времени с выстраиванием практики межгосударственных коммуникаций на Апеннингах. Как отмечает итальянская исследовательница И. Лаццарини, эта практика изначально сложилась как специфическая двухслойная система, нижним слоем которой являлось внутриитальянское взаимодействие городов-государств полуострова, а верхним – дипломатическое представительство в европейских державах, осуществлявших, в том числе, и внешний контроль над некоторыми процессами итальянской политики [Lazzarini, 2016, p. 18–19]. Основой нижнего слоя явилось постоянное оспаривание крупнейшими итальянскими городами-государствами границ друг друга, тогда как основой верхнего слоя – динамика вовлеченности в эти споры внешних политических сил [Lazzarini, 2016, p. 18].

В то же время постоянной перестройке в ходе XV в. подвергались внутривнутриполитические процессы в самих итальянских городах-государствах; смена форм и институций как отдельных составляющих таковых приводила и к изменению дипломатического вектора развития крупнейших городов-государств Апеннин. Так, Милан периода перехода от власти дома Висконти к власти дома Сфорца менял дипломатическую ориентацию с pro-французской (с опорой на Орлеанскую ветвь дома Валуа) [Gagne, p. 35–38] на pro-имперскую (с расчетом на старинную практику получения инвеститур от германского императорского дома) [Lazzarini, 2015, p. 306]. Венецианская республика, в свою очередь, отличавшаяся постоянством смены управленческих элит посредством «ротации» их выбора из числа

граждан аристократического происхождения, оспаривала с Империей Габсбургов полноту своего влияния над территориями Северной Италии и, следовательно, границы своего режима [Mattingly, p. 66–67]. Неаполь же, по справедливому замечанию историка международных отношений Г. Мэттингли, бывший в первой половине XV в. «...королевством столь же анархическим, как, к примеру, Шотландия или Венгрия» [Mattingly, p. 67], переживал череду смен «внешних» приходов к правлению династий. Соответственно, структурные дипломатические изменения в этих крупных итальянских городах-государствах во многом обосновывались взаимовлиянием внешних и внутренних факторов. Неслучайно в Милане эпохи ранних Сфорца сложилась практика дипломатического представительства лиц из числа «людей с полным доверием» (*'uomini di piena fiducia'*) – ближайших родственников и сподвижников Сфорца, выражавших в своих заграничных миссиях личные интересы правящего дома [Lazzarini, 2015, p. 126]. Аналогично в Неаполе Кватроченто, к примеру, ввиду внутренней специфики этого королевства, дипломатические назначения могли получать лица, приближенные к монархам, но даже не происходившие из Италии: такой фигурой неаполитанской дипломатии был, например, каталонец Симонетто Бельпрат, при Ферранте Арагонском десятилетие служивший послом Неаполя в Милане (1482–1492) [Lazzarini, 2015, p. 131]. В свою очередь, в Венеции практика дипломатических назначений зависела от характера и уровня миссии: как правило, непосредственные посольские функции получали аристократы-сенаторы, а коренные венецианцы незнатного происхождения назначались секретарями и (или) служащими дипломатических канцелярий республики [Lazzarini, 2015, p. 127–128]. Как указывает И. Лаццарини, в 1456 г. данная практика регулирования дипломатического представительства в Венеции была закреплена законодательно [Lazzarini, 2015, p. 127–128].

Несколько специфической в этом отношении была практика дипломатического представительства папства, и в значительной степени ввиду положения римского понтифика как стороннего «высшего арбитра» над итальянскими конфликтами. Удобство выступления во внутриитальянской политической системе координат с подобной позиции для папства заключалось в том, что собственная сфера влияния как будто бы предлагалась понтификами другим сторонам юридической категорией *sine qua non*. Как показало доскональное исследование австралийского историка Й. Робертсона, пример подобного отношения папства – формулируемого де-юре и поддерживаемого де-факто – явила собой позиция Рима в отношении прав контроля над Болоньей [Robertson, p. 5–22]. Хотя основное внимание Робертсона сосредоточено на периоде понтификата Павла II (1464–1471), его тезис о том, что папство XV в. стремилось «...разрешить задачу о том, как с гениальной эффективностью превратить управление собственного государства в понтификат новой и жизненной значимости – дипломатически, военно и финансово» [Robertson, p. 5–6], справедлив и для более ранних примеров. Так, флорентийский гуманист Филиппо ди Чино Ринуччини упоминает в своем сочинении «Исторические заметки» эпизод с приездом в 1418 г. папы Мартина V (1417–1431) во Флоренцию [Rinuccini. Ricordi, p. 417–418]. Согласно Ринуччини, перед понтификом со стороны Флоренции была представлена пышная процессия, в которой «...те, что были потомками капитанов гвельфов, устлались перед папой в надежде получить знак внимания» [Rinuccini. Ricordi, p. 417]. Гуманист отмечает, что подобное отношение представителей флорентийских гвельфских семей – сторонников папы – было обусловлено не только их родовой ориентацией, но и стремлением быть назначенными резидентами папы от имени Флоренции. Понтифик мог практиковать подобные назначения в рамках визитов в города-государства Италии «передачей розы», что и сделал в данном случае, «...передав розу Флорентийской общине, то есть господам-флорентийским приорам» [Rinuccini. Ricordi, p. 417]. Вместе с тем с Флоренцией была связана и более ранняя традиция политической культуры гибеллинизма, опиравшаяся на авторитет Данте и провозглашавшая идею о доблестном и рациональном имперском правлении как «панацее» для Италии [Najemy, 2006, p. 21–27]. В то же время Флорентийская республика де-юре и де-факто была в XV в. одним из немногих полноценно самоуправляемых городов-государств Италии, в связи с чем структура флорентийской дипломатии имела самостоятельную специфику, а порядок

назначения на дипломатические должности определялся внутривластным балансом республиканских государственных институтов.

Дипломатический курс и практику Флорентийской республики первой половины XV в. определяли фактические правители, контролировавшие гонфалоньера справедливости, обеспечивавшего «республиканизм» институционализации решений правителей [Najemy, 2006, p. 185, 208–209]. В этом отношении управлять дипломатией Флоренции лично, подобно тому, как это делали Сфорца в Милане или короли Неаполя Анжуйского и Арагонского домов, предпочитали как представители олигархии Альбицци, так и ранние правители династии Медичи [Rubinstein, p. 454–456]. И Альбицци, и ранние Медичи самостоятельно назначали дипломатических представителей для зарубежных поездок и выписывали им так называемые «*commissione data*» – «выданные распоряжения» – как инструкции для исполнения тех или иных поручений в осуществляемых миссиях [Albizzi. *Commissioni*, p. 12–88]; [Ross, 1910, p. 35–40, 42–45, 65–69, 86–93]. Такая практика была на порядок эффективнее предшествовавшей ей традиции коммунальных миссий XIV в. от имени флорентийских общин, время от времени рождавшей анекдотические ситуации. Так, в знаменитом сатирическом произведении «*Фазеции*» флорентийский гуманист Поджо Браччолини приводит известный современникам анекдот про делегатов флорентийской общины к герцогу Милана Бернабо Висконти (1354–1385), начавших беседу с герцогом фразой: «Мы граждане и послы Флоренции, если Вам угодно» [Bracciolini. *Facezie*, p. 86]. Однако на следующий день смущенные флорентинцы, как будто бы сами до конца не осознававшие принадлежность своей миссии, решили «уточнить статус» и вызвали еще одной речью неожиданный казус: «...»Мы упомянули в своей речи к Вам, что мы граждане и послы Флоренции, "если Вам так угодно", но мы поступили так, говоря, как глупцы и невежды, потому что, с Вашего позволения или без него, мы флорентинцы, граждане и послы". Герцог, который был очень суровым человеком, посмеялся над их глупой точностью и сказал, что он доволен, потому что они оказались именно такими, какими он себе их представлял» [Bracciolini. *Facezie*, p. 87]. Обращение Поджо к теме визита флорентийских посланников ко двору единоличного правителя (пусть и аллегорически-ироничное) неслучайно, если иметь в виду собственный опыт службы гуманиста в организации диалога между Флорентийской республикой и османским султаном Мехмедом II [Wodzicki, p. 144]. Примечательно, что Браччолини дополнительно обыграл эту неопределенность дипломатического статуса представителей флорентийской коммуны, дважды применив к ним определение «*inviati*» – «посланники» или даже «посланцы» – вместо устойчивого определения «*ambasciatori*» или «*ambasciatori*» («послы»), которое при обращении к герцогу употребили они сами [Bracciolini. *Facezie*, p. 86–87]. При личном отправлении делегатов на миссии от имени Альбицци (несмотря на номинально сохранявшуюся коммунальную «титлярную» принадлежность) и (или) Медичи (уже с республиканским «титлом») впоследствии подобных казусов возникать не могло по определению.

Более того, в ряде случаев представители обоих домов сами исполняли роль послов своей республики, что рождало достаточно щекотливые ситуации nepoтизма в дипломатической документации. Так, Ринальдо дельи Альбицци, руководивший дипломатией своего отца, олигархического правителя Флоренции начала XV в. Мазо дельи Альбицци, был делегирован послом в Римини в июне-июле 1402 г., и отец де-факто выписывал ему служебную инструкцию де-юре от его же имени, специфически обозначаемую «... информацией, созданной комиссией» [Albizzi. *Commissioni*, p. 12–13]. В свою очередь, Козимо Медичи, уже будучи фактическим правителем Флоренции (1434–1464), выполнял посольство в Ферраре в январе 1438 г. и получил письмо с инструкцией от брата Лоренцо от имени Десятки бальи (*Dieci di Balìa*) Флоренции, исполнительного органа республиканского правительства, де-юре отвечавшего за дипломатию (и впоследствии реорганизованного в Совет Десяти), а де-факто в период правления Козимо, лично ему подконтрольного [Ross, p. 35–36]. Как отмечал американский исследователь истории Флорентийской республики Н. Рубинштейн, подобная «опора» для личного доминирования правителей тех или иных флорентийских «партий» («олигархической») во главе с Альбицци

(Мазо, 1382–1417; Ринальдо, 1417–1434) или «народной» во главе с Медичи) проистекала из отсутствия в законодательном механизме тосканского государства четкого конституирования понятий о дипломатии вообще [Rubinstein, p. 455–456]. Рубинштейн рассуждал о феномене «флорентийского конституционализма» первой половины XV в. как о следствии противостояния «олигархической» и «народной» партий в структуре внутривластных отношений в тосканском обществе, традиционно славившемся наследственно-фамильным характером политических связей [Rubinstein, p. 454–455]. Дипломатия Флоренции первой половины XV в. была связана в значительной степени не с институтами, а с персоналиями, пытавшимися искать баланс во внутреннем устройстве республики и соизмерять этот баланс с практиками международного представительства.

В этой связи неслучайно и показательно, что такой вопрос флорентийской дипломатии, как пизанский, связанный со стремлением республики завладеть территорией своего соседа Пизы и получить выход к морю, возник и был первоначально разрешен при Альбицци, но остался важен и во время правления Медичи. Из одного режима в другой «перекочевала» и общая дипломатическая тактика Флоренции, обоснованная «пизанским вопросом». Так, одно из наиболее ранних упоминаний проблемы Пизы во флорентийской дипломатии, связанное со стратегией приобретения пизанского владения, относится к документации Ринальдо дельи Альбицци как главы дипломатии Флоренции при своем отце Мазо. В инструкции Ринальдо к комиссарам Флоренции «по вопросу удачного взятия Пизы» от апреля 1404 г. упоминается факт принятия миланским администратором Пизы Габриеле Мария Висконти верховного вассалитета Франции над городом [Albizzi. Commissioni, p. 35]. Примечательно, что комиссарами в инструкции значатся мессер Филиппо Магалотти, мессер Ринальдо Джанфильяцци и вновь – отец Ринальдо, мессер Мазо дельи Альбицци [Albizzi. Commissioni, p. 35]. Реакцией Флорентийской республики, заинтересованной в приобретении Пизы, последовало заявление «...о немедленном прибытии посла, сообщающего новость и требующего прекращения правонарушений с заверением, что купцы смогут пользоваться и торговать в Пизе так же уверенно, как в Генуе и в любой земле Христианнейшего короля» [Albizzi. Commissioni, p. 35]. По упоминанию Альбицци, урегулировать эту проблему Флоренции удалось в одной из следующих дипломатических миссий, инструкции по исполнению которой он выдал 14 января 1406 г. двум комиссарам по пизанскому вопросу – Бартоломео Пополески и, что характерно, отцу будущего правителя медичейской Флоренции Козимо Джованни ди Биччи Медичи [Albizzi. Commissioni, p. 87]. В них указывалось предложение французскому королю о поддержке приобретения Флоренцией Пизы на началах заключения совместной лиги Франции и Флоренции против Владислава Неаполитанского, мятежного короля Неаполя, противостоявшего в борьбе за власть Людовику II Анжуйскому и папству, у которого Владислав даже сумел отвоевать Рим [Albizzi. Commissioni, p. 87–88]. Как известно, Флоренция осуществила взятие Пизы именно в тот год, что свидетельствует о выборе Францией флорентийской стороны в данном вопросе, а не миланской.

Вскоре в этом городе состоялся церковный собор, на котором, как упоминает в своей «Истории Флоренции» дипломат и историк тосканского государства Никколо Макиавелли, был заключен союз между Францией и рядом итальянских сил [Макиавелли. История Флоренции, с. 45]. В этот судьбоносный союз вошли Флоренция, Генуя, Венеция (старинные и знатные республики Апеннин), Болонья (интересы которой представлял архидиакон Балтасар Косса) и папство (в лице нового понтифика Александра V). Целью же оформленного на Пизанском соборе союза стало изгнание Владислава из Неаполя и Рима [Макиавелли. История Флоренции, с. 45]. Контур французского присутствия во внутривластной политике в течение XV в., таким образом, уже был четко обозначен: это альянсы с крупнейшими республиками полуострова при посредничестве церковных владений против монархического и единоличного режимов Неаполя и Милана соответственно. В свою очередь, посредством первоначального разрешения «пизанского вопроса» была апробирована и тактическая линия дипломатии Флоренции – ориентация на Францию, начатая Альбицци и продолженная после внутривластного

переворота в республике Медичи. Логическим закреплением этой линии стало подтверждение Францией привилегий в дипломатическом диалоге с Флоренцией, выданных Козимо Медичи, в письме Людовика XI от 1464 г. к сыну Козимо Пьеро I (1464–1469), унаследовавшему от него власть в тосканской республике [Ross, 1910, p. 86–87].

Таким образом, флорентийская дипломатия Кватроченто, так же как и дипломатии режимов Милана и Неаполя, очевидно, опирались на личное руководство правителем республики. Однако флорентийская внешнеполитическая модель своей постоянностью и выверенной тактикой выгодно отличалась от миланской и неаполитанской. Удерживать подобные специфические преимущества собственной дипломатии Флоренции удавалось вплоть до общеитальянского военно-дипломатического кризиса рубежа XV–XVI вв. с развязыванием Итальянских войн.

Вместе с тем с развитием во второй половине XV в. внутривластного институционального аппарата тосканской республики значительно обострился вопрос ответственности тех или иных институтов политического аппарата Флоренции за ее дипломатию. Так, в период правления Лоренцо Великолепного (1469–1492) сложилась практика, когда флорентийскую дипломатию структурно контролировали так называемые *Tre maggiori* – «Большая тройка» государственных учреждений: Совет гонфалоньера справедливости (существовал во флорентийской внутривластной структуре с 1293 г. как и должность гонфалоньера справедливости как фактического главы исполнительной власти) [Najemy, 2006, p. 84–85], Совет Семидесяти (был создан при Лоренцо Медичи Великолепном) [Rivière, 2005, p. 70] и Магистрат выборных лиц Совета десяти (техническая единица, созданная также при Лоренцо для отбора лиц в де-юре руководивший дипломатией Флоренции Совет Десяти и регулирования исполнительной практики этих лиц) [Rivière, 2005, p. 88]. Создание внутренних учреждений отбора дипломатических кадров при Лоренцо явилось, с одной стороны, ответной реакцией правителя на ситуацию, известную ему из ранних лет собственного правления и из практики Козимо, когда значительно снизилось доверие Медичи служащим канцелярий дипломатии, наладившим параллельную коммуникацию между собой, мешавшую официальным флорентийским посольствам [Lazzarini, 2015, p. 126–127]. Само появление такой неудобной практики параллельных внутренних коммуникаций дипломатических структур во Флоренции, однако, было связано скорее с многолетней тосканской традицией дипломатического двуязычия, чем с нежеланием служащих исполнять медичейские установки. Как отмечает итальянский историк А. Дзорци, канцелярский корпус флорентийской дипломатии в основном состоял из «замещавших» должности в канцелярии служащих флорентийского магистрата другой юрисдикции – ответственного за писаное право (*giustizia penale*) [Zorzi, 1988, p. 74–75]. Эти профессиональные юристы привыкли к документообороту на латыни, тогда как Лоренцо предпочитал составлять служебные донесения дипломатического характера на тосканском диалекте, выказывая тем самым стремление Флоренции к особому статусу в дипломатическом пространстве Апеннин [Zorzi, 1988, p. 76].

Вместе с тем это явилось следствием особенностей характера самого Лоренцо, предпочитавшего постоянной персональной вовлеченности в дипломатию формирование новой прослойки в политической элите Флоренции – «новых людей» (*homines novi*), в основном секретарей-нотариусов, которые действовали от его имени... «новые люди» стали высоко политизированными канцлерами, вставшими за спины официальных послов во времена Макиавелли» [Lazzarini, 2015, p. 127]. Вопрос мотивации медичейского правителя в широком применении института *homines novi* в политической практике тосканской республики в современной историографии остается дискуссионным [Дмитриева, Павлов, с. 8–9]. Однако в последнее время все большее внимание ученых получает точка зрения, что Лоренцо не был пассивным «зрителем» дипломатии своего государства, но, скорее, избегал давления собственным авторитетом в вопросах, не требовавших его прямого участия [Дмитриева, Павлов, с. 8–9]. Тем не менее практика привлечения «новых людей» на какое-то время поспособствовала значительной демократизации механизма отбора флорентийских дипломатических кадров до и после Лоренцо, чаще всего представлявшего собой внутренний отбор из флорентийской аристократии.

Впоследствии основным политическим институтом государственного аппарата Флорентийской республики в конце XV в. после изгнания дома Медичи и в начале Итальянских войн стал Большой совет – *Consiglio maggiore* [Najemy, 2006, p. 398–401]. Он был создан при правлении Джироламо Савонаролы (1494–1498) с целью недопущения сосредоточения власти в республике в руках какой-либо одной влиятельной силы, что должно было заложить основы для превращения Флоренции в республику, равнозначную управляемую народными массами и аристократией во взаимодействии в рамках совета. Однако в его ведении полностью были сосредоточены внутривластные процессы в республике, тогда как флорентийская дипломатия (как и было установлено во времена правления Лоренцо Медичи) осталась в исполнительной ответственности Совета Десяти, управлявшегося под юрисдикцией *Tre maggiori* [Rivière, 2005, p. 84–93; p. 98–106]. Более того, непосредственный отбор лиц, входивших в число дипломатической десятки Флоренции, осуществлялся и без того узким кругом «выборщиков» из трех магистратов среди двадцати кандидатов – Объединения двадцати (*Venti accoppiatori*) [Rivière, 2005, p. 85]. Таким образом, при наличии Большого совета во внутренней политике республики дипломатический механизм отбора на должности управителей, назначавших в дальнейшем все дипломатические кадры, был ограничен настолько узкими рамками, что простое меньшинство членов магистратов избирало этих управителей из исключительного меньшинства.

В определенном смысле отбор состава дипломатической «десятки» представлял собой постоянную «ротацию» десяти человек из двадцати, причем рамки круга этих двадцати предполагалось менять только в исключительных обстоятельствах (таких, как государственная измена). Как указывает французский исследователь политической системы Флорентийской республики Ж.-М. Ривьер, механизмы подобного рода приводили к превращению Совета Десяти в инструмент осуществления интересов флорентийской олигархии: «Избранные 2 декабря 1494 года, первые *Dieci* (десятеро) прекрасно символизируют дистанцию, отделяющую эту магистратуру от средних классов большинства в *Consiglio maggiore* (Большом совете). Первые десять обладателей этой должности принадлежали к знатым семьям из олигархии, привыкшим к общественным почестям и обязанностям» [Rivière, 2005, p. 85]. Соответственно, и на существенные дипломатические назначения могли претендовать только представители аристократических кругов, близких к олигархии: стремясь превратить своими реформами Флоренцию в антипод Венеции, Савонарола тем самым сделал дипломатию тосканской республики едва ли не полным подобием венецианской практики узкого аристократизма отбора кадров [Najemy, 2006, p. 393].

А уже на излете XV в. даже такое, казалось бы, точно исключительное обстоятельство, как смерть члена какого-либо высшего из флорентийских магистратов, ответственных как за внутреннюю, так и за внешнюю политику, являлось основанием не для введения в него представителя новой фамилии флорентийского общества, а для передачи должности умершего его ближайшему наследнику. В дальнейшем, уже в начале XVI в., в дипломатии Флоренции утвердился практика аналогии, когда предпочтение наследственных назначений будет характерно и в случае с послами. Это следует из анализа сочинений такого флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн, как Франческо Веттори. В своей «Записке о магистратах» Веттори указывает, что получал такие назначения как член «восьмерки практиков» (*Otto di Pratica*) (дважды, 1515 и 1518 гг.) и посол Флоренции в Риме (1512–1515) [Vettori. Ricordo, p. 7–8]. А из его же сочинения «Жизнь Паоло Веттори-старшего», посвященного биографии его отца, следует, что Паоло Веттори занимал те же должности, кроме того – посольскую должность в Неаполе [Vettori. Vita, p. 252–253]. Последнюю Франческо Веттори никак не мог унаследовать, если иметь в виду, что Неаполь в результате Блуасского договора Франции и Испании был окончательно присоединен к арагонской монархии.

Характерно, что свидетельства применения подобной практики наследственного замещения посольских должностей, упоминаемые Веттори, связаны с периодом т. н. «реставрации Медичи» во Флоренции (1512–1527): представители первой формации

медичейской династии в отдельных случаях, когда считали это наиболее эффективным, также прибегали к фамильно-наследственной передаче статуса посла. Так, знаменитый современник и коллега Веттори по флорентийской дипломатической службе Франческо Гвиччардини в своей «Семейной хронике» упоминает, что послом Флоренции в Милане при Козимо и Пьеро I Медичи долгое время успешно трудился его двоюродный дед Луиджи Гвиччардини [Гвиччардини. Семейная хроника, с. 252, 255]. В свою очередь, позднее, в 1492 г., последний представитель «старых Медичи» Пьеро II назначил на пост посла в Милане отца Франческо – Пьеро Гвиччардини [Гвиччардини. Семейная хроника, с. 299]. Практика фамильно-наследственного назначения посла, примененная сыном Лоренцо Пьеро II, – возврат к традиции, сложившейся до его отца, в свою эпоху правления старавшегося этой традицией не злоупотреблять в пользу института *homines novi*. Последующий институционализм савонаролианских механизмов управления дипломатией тем самым невольно приобретал для Флоренции определенный «окрас» медичейской персонификации. Доминирование узких институций над дипломатией привело тосканскую республику, оказавшуюся в правление Савонаролы вовлеченной в Итальянские войны после пизанского мятежа и потери владения Пизой, и к другому проблемному противоречию. Оно заключалось в том, что Совет Десяти, преобразованный по своему статусу в Совет Войны и ставший чрезвычайным магистратом, начинал терять в глазах флорентинцев эффективность своего существования как таковую. При Савонароле не было предпринято ни одной убедительной попытки вернуть республике Пизу. Единственной надеждой монаха было то, что ее вернет Флоренции Франция, которая выступила своего рода «держателем» соседних с республикой тосканских земель. Об этом сатирически написал Никколо Макиавелли в первой части своей дипломатической поэмы «Десятилетия»: «Вы стояли здесь с открытым ртом и ждали, что из Франции придет тот, кто принесет манну небесную в вашу пустыню» [Machiavelli. Decennali, p. 1050]. Флорентийской дипломатии требовались преобразования, способствующие выходу из институционального и целевого кризиса, связанного с новой неразрешенностью проблемы, ставшей ключевой для практики флорентийской дипломатии XV в. – проблемы владения Пизой. Однако, помимо «пизанского вопроса», в курсе тосканской республики весь век присутствовали и другие обстоятельства, определявшие его развитие. Наиболее ранним (но также связанным с проблемой Пизы) явился вопрос взаимоотношений Флоренции с другими крупными городами-государствами Апеннин, в XV в. формировавшими структуру внутриитальянской дипломатии.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует заключить: дипломатия Флоренции на протяжении XV столетия в своем структурном развитии прошла череду трансформаций, когда для разрешения значимых для тосканской республики внешнеполитических вопросов попеременно практиковались такие стратегии действия, как привлечение персоналий и вовлечение институтов. При этом для первой половины XV в. оказались определяющими условия общей «зыбкости» ландшафта внутриитальянской дипломатии как таковой. Они же обуславливали и ситуативные изменения оснований власти отдельных правителей в итальянских городах (в том числе и в самой Флоренции). В подобных определяющих условиях приоритетной формой организации дипломатической работы в тосканской республике считалась ответственность персоналий за исполнение тех или иных миссий: таковыми персоналиями могли быть даже не просто ангажированные правителями лица, но и их родственники и сами правители, что нисколько не считалось конфликтом интересов. В случае с Флоренцией в значительной степени такая практика организации дипломатии была связана и с борьбой республики за утверждение той или иной линии внутривнутриполитического развития – «олигархической» (во главе с домом Альбицци) или «республиканской» (под управлением дома Медичи).

В ситуации, когда устоялась в качестве жизнеспособной линия медичейского «республиканизма», правителями Медичи был выбран способ, как вовлечь в дипломатическую жизнь Флоренции представительские институты, не минуя при этом и практики привлечения

ангажированных персоналий. В конце XV в. в условиях нерегулируемого кризиса начальной фазы Итальянских войн «дрейф» сменившего медичейскую династию Джироламо Савонаролы в сторону декларируемой институционализации дипломатии на деле привел к превращению ответственных за внешнюю политику Флоренции Совета Десяти и Объединения Двадцати в учреждения, управлявшиеся олигархическим путем. Подобное развитие структуры дипломатии Флоренции на протяжении XV в. в значительной степени объяснило и всю сложность ее перипетий. Думается, именно поэтому в фундаментальном памятнике по описанию и оценке событий флорентийской международной политики XV в. «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли автор, сам известный своей яркой дипломатической карьерой, мог саркастически посетовать на подобные перипетии, обратившись к первому читателю созданного им труда. В посвящении «Истории Флоренции» ее заказчику папе Клименту VII (Джулио Медичи) (1523–1534) в отношении освещения событий XV в. Макиавелли оставил следующее ироничное замечание о созданном труде: «Я во всяком случае, святейший и блаженнейший отец, старался в этом своем повествовании, не приукрашивая истины, угодить всем, но, может быть, не угодил никому» [Макиавелли. История Флоренции, с. 8].

Список литературы

- Дмитриева М.И., Павлов К.В. 2023. Итальянские дворы эпохи Ренессанса и проблемы их изучения в западной историографии XXI в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 3(125): 1–23.
- Катушкина Л.Г. 1970. Итальянские войны. В изд.: *История Италии в 3 т.* Сказкин С.Д. (общая ред. изд., в 3-х т.). Москва, Наука. 1: 426–466.
- Рыкова Н.Я. (пер. с ит. яз.), Рутенбург В.И. (общая ред. изд.). 1973. Никколо Макиавелли. История Флоренции. Ленинград, Наука, 447 с.
- Фельдштейн М.С. (пер. с ит. яз.), Дживелегов А.К. (общая ред. изд.). 1934. Франческо Гвиччардини. Семейная хроника. В изд.: *Франческо Гвиччардини. Сочинения*. Москва, Наука: 231–299.
- Aiazzi G. (ed.). 1840. Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506. Firenze, Stamperia Piatti, 566 p.
- Belloc M., Drago F., Galbiati R. 2023. Law, Human Capital, and the Emergence of Free City-States in Medieval Italy. *European Journal of Law and Economics*. 56: 199–223.
- Bonfantini M (ed.). 1954. Niccolo Machiavelli. Decennali. In: *Niccolo Machiavelli. Opere*. Milano-Napoli, Riccardo Ricciardi Editore: 1047–1072.
- Brunelli G. 2025. The Papal State and the Birth of the Modern Fortress: Innovation in Military Construction between the Late Middle Ages and the Early Modern Period. *East Central Europe: Between the Baltic and the Adriatic*. 1: 149–167.
- Ciampoli D. (ed.). 1912. *Facezie di Poggio Fiorentino*. Roma, Carabba, 191 p.
- Gagne J. 2021. Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge / London, Harvard University Press, 465 p.
- Galasso G. 1996. L'Italia del Quattrocento, Italia della «bilancia». *Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici*. XIII: 401–470.
- Gamberini A. 2012. The Language of Politics and the Process of State-Building: Approaches and Interpretations. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 406–424.
- Guasti C. (ed., 3 vol.). 1867–1873. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il Comune di Firenze. Firenze, M. Cellini e C., Vol.1: 617 p.
- Lazzarini I. 2015. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford, Oxford University Press, 337 p.
- Lazzarini I. 2016. Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 – c. 1520). In: *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. P.M. Dover (ed.). Edinburgh, Edinburgh University Press: 16–36.
- Lazzarini I. 2012. Renaissance Diplomacy. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 425–443.
- Leira H., de Carvalho B. 2021. The Intercity Origins of Diplomacy: Consuls, Empires, and the Sea. *Diplomatica*. 3: 147–156.

- Mattingly G. 1964. *Renaissance Diplomacy*. London, Penguin Books, 284 p.
- Najemy J. 2006. *A History of Florence 1200–1575*. Oxford, Blackwell Publishing, 529 p.
- Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Ricordo delli Magistrati. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 7–9.
- Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Vita di Piero Vettori l'Antico. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 249–257.
- Pieri P. 1952. *Il Rinascimento e la crisi militare italiana*. Torino, Einaudi, 703 p.
- Rivière J.-M. 2005. *L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement*. PhD dissertation. Paris, Université Paris, 466 p.
- Robertson I. 2002. *Tyranny under the Mantle of St Peter: Pope Paul II and Bologna*. Turnhout, Brepols, 260 p.
- Ross J. (ed. & transl.). 1910. *Lives of the Early Medici as Told in their Correspondence*. London, Chatto & Windus, 420 p.
- Rubinstein N. 1968. Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century. In: *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*. N. Rubinstein (ed.). London, Faber and Faber: 442–462.
- Wodzicki L. 2023. The Transculturality of Virtue in the Early Modern Mediterranean: A Case Study in Florentine – Ottoman Relations. *Cromohs (Cyber Review of Modern Historiography)*. 26: 132–157.
- Zorzi A. 1988. *L'amministrazione della giustizia penale nell Repubblica Fiorentina. Aspetti e problemi*. Firenze, L.S.Olschki, 125 p.

References

- Dmitrieva M.I., Pavlov K.V. 2023. Ital'yanskije dvory epohi Renessansa i problemy ih izucheniya v zapadnoj istoriografii XXI v. [Italian Renaissance Courts and Its Research in Western Historiography of the 21st Century]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 3(125): 1–23.
- Katushkina L.G. 1970. Ital'yanskije vojny [Italian Wars]. In: *Istoriya Italii v 3 t. [The History of Italy in 3 vol.]*. Skazkin S.D. (ed.). Moskva, Nauka. 1: 426–466.
- Rykova N.Ya. (transl.), Rutenburg V.I. (ed.). 1973. Nikkolo Makiavelli. Istoriya Florencii [Florentine Histories]. Leningrad, Nauka, 447 p.
- Fel'dshtejn M.S. (transl.), Dzhivelegov A.K. (ed.). 1934. Franchesko Gvichhardini. Semejnaya hronika [Family Memories]. In: *Franchesko Gvichhardini. Sochineniya [Works]*. Moskva, Nauka: 231–299.
- Aiazzi G. (ed.). 1840. *Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506*. Firenze, Stamperia Piatti, 566 p.
- Belloc M., Drago F., Galbiati R. 2023. Law, Human Capital, and the Emergence of Free City-States in Medieval Italy. *European Journal of Law and Economics*. 56: 199–223.
- Bonfantini M (ed.). 1954. Niccolo Machiavelli. Decennali. In: *Niccolo Machiavelli. Opere*. Milano-Napoli, Riccardo Ricciardi Editore: 1047–1072.
- Brunelli G. 2025. The Papal State and the Birth of the Modern Fortress: Innovation in Military Construction between the Late Middle Ages and the Early Modern Period. *East Central Europe: Between the Baltic and the Adriatic*. 1: 149–167.
- Ciampoli D. (ed.). 1912. *Facezie di Poggio Fiorentino*. Roma, Carabba, 191 p.
- Gagne J. 2021. *Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars*. Cambridge / London, Harvard University Press, 465 p.
- Galasso G. 1996. L'Italia del Quattrocento, Italia della «bilancia». *Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici*. XIII: 401–470.
- Gamberini A. 2012. The Language of Politics and the Process of State-Building: Approaches and Interpretations. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 406–424.
- Guasti C. (ed., 3 vol.). 1867–1873. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il Comune di Firenze. Firenze, M. Cellini e C., Vol.1: 617 p.
- Lazzarini I. 2015. *Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520*. Oxford, Oxford University Press, 337 p.
- Lazzarini I. 2016. Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 – c. 1520). In: *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. P.M. Dover (ed.). Edinburgh, Edinburgh University Press: 16–36.

- Lazzarini I. 2012. Renaissance Diplomacy. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 425–443.
- Leira H., de Carvalho B. 2021. The Intercity Origins of Diplomacy: Consuls, Empires, and the Sea. *Diplomatica*. 3: 147–156.
- Mattingly G. 1964. Renaissance Diplomacy. London, Penguin Books, 284 p.
- Najemy J. 2006. A History of Florence 1200–1575. Oxford, Blackwell Publishing, 529 p.
- Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Ricordo delli Magistrati. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 7–9.
- Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Vita di Piero Vettori l'Antico. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 249–257.
- Pieri P. 1952. Il Rinascimento e la crisi militare italiana. Torino, Einaudi, 703 p.
- Rivière J.-M. 2005. L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement. PhD dissertation. Paris, Université Paris, 466 p.
- Robertson I. 2002. Tyranny under the Mantle of St Peter: Pope Paul II and Bologna. Turnhout, Brepols, 260 p.
- Ross J. (ed. & transl.). 1910. Lives of the Early Medici as Told in their Correspondence. London, Chatto & Windus, 420 p.
- Rubinstein N. 1968. Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century. In: *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*. N. Rubinstein (ed.). London, Faber and Faber: 442–462.
- Wodzicki L. 2023. The Transculturality of Virtue in the Early Modern Mediterranean: A Case Study in Florentine – Ottoman Relations. *Cromohs (Cyber Review of Modern Historiography)*. 26: 132–157.
- Zorzi A. 1988. L'amministrazione della giustizia penale nell Repubblica Fiorentina. Aspetti e problemi. Firenze, L.S.Olschki, 125 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.12.2025

Received December 15, 2025

Поступила после рецензирования 28.03.2026

Revised March 28, 2026

Принята к публикации 30.03.2026

Accepted March 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Павлов Кирилл Владимирович, аспирант кафедры истории Средних веков, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0009-0008-7779-3631](https://orcid.org/0009-0008-7779-3631)

Kirill V. Pavlov, Postgraduate Student, Chair of History of the Middle Ages, Institute of History, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia